

УДК 81`27, 378.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22

Марина Владимировна Пименова,
доктор филологических наук, профессор,
Военный институт (инженерно-технический)
Военной академии материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулева
(191123, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 22),
e-mail: MVPimenova@yandex.ru

Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур)

Разные школы и направления в отечественной лингвистике предполагают свой подход к исследованию концептуальных структур. Обычно это обусловлено также и самим определением ключевого термина – концепт. Под концептом понимается совокупность признаков, необходимых и достаточных для идентификации фрагмента мира или части такого фрагмента. Методика изучения концептов в Санкт-Петербургско-Кемеровской школе концептуальных исследований формировалась постепенно. Первоначально детальному изучению подвергались образные признаки концептов, то, что в зарубежной лингвистике именуется концептуальными метафорами. Оказалось, что «за бортом» анализа остаётся часть языкового материала, которая постепенно вовлекалась в процесс описания. Концепты отличаются от лексического значения тем, что сохраняют свою структуру, не теряют включённые в эту структуру признаки на всём протяжении истории народа (ср. с явлением десемантизации слова). Структура концептов только пополняется за счёт появления дополнительных признаков. Такое пополнение зависит от развития материальной и духовной культуры народа.

Ключевые слова: концепт, концептуальная структура, реконструкция, репрезентант концепта, вербализация концепта

Сила – «начало изменяемости мировых явлений».
А. С. Хомяков

Вводные замечания. Языкознание на современном этапе своего развития предлагает различные теории относительно одного глобального вопроса: определяет язык мировоззрение человека или он не является первичным способом категоризации действительности и миропонимания. Эти концепции постулируют достаточную относительность знаний о мире, прямо зависящие от того, что служит источником этого знания: сама действительность или её концептуализация, скрытая в значениях языковых знаков. В настоящий период эта проблема возникла вновь в связи с исследованием когнитивных процессов, лежащих в основе порождения языковых сообщений и их понимания, в частности, попыток связать теорию языковых гештальтов с теорией фреймов как структур знания, обеспечивающих концептуальную интерпретацию языковых значений (см.: [2]; работы Ч. Филлмора), а также попытку интерпретации концепции Л. Вейсгерберга в когнитивной парадигме.

Концептология как новое направление языкознания. На наших глазах появилась новая отрасль языкознания – концептология.

«Концептология – учение о концептах, представляющих собою сущности общенародного подсознательного, выраженного вербально, в словах и грамматических формах родного языка» [12, с. 5].

В лингвистике уже упоминалось, что знания в языке в существенной степени подсознательны (см., напр.: [8; 16, с. 19; 10, с. 46–47]). Носители языка автоматически употребляют языковые выражения, не задумываясь, почему знание ассоциируется со светом (ср.: просвещение; освещение прессой событий дня), время – с кругом (всё вернётся на круги своя), а смех – с болезнью (заразительно смеяться). Мы не замечаем, что у русских и англичан неделя начинается по-разному – у англичан она начинается с отдыха (первый день недели – воскресенье: Sunday, Monday...), а у русских – с трудовых будней (понедельник, вторник..., воскресенье). И никто из наших современников не видит явных противоречий в названиях дней недели (среда должна быть серединой недели, а не третьим её днем, т. к. в семидневке серединой является четвёртый день).

Труднее такие противоречия увидеть в заимствованных словах. Сентябрь, согласно своей внутренней форме, должен быть седьмым, а не девятым, месяцем (от лат. *septem* –

«семь»), октябрь – восьмым, а не десятым (от лат. *octo* – «восемь»), декабрь – десятым, а не двенадцатым по счету (от лат. *decem* – «десять») и т. д. Концептология позволяет выявить в языке забытую, изменённую в сознании до стереотипа, но сохранившуюся во внутренних формах слов, систему древних знаний [7].

Как пишет профессор В. В. Колесов: «В отличие от других направлений научной когнитивистики (от лат. *cōgnōscō* – «познаю»), концептология отличается тремя базовыми чертами: она ономазиологична, это речь говорящего, а не слушающего; она «лингвальна», т. е. подаётся со стороны речевой деятельности, а не логических суждений; она исторична, ибо рассматривает концепты в развитии, в семантическом преобразовании» [13, с. 5].

Методика воссоздания концептуальных структур. Концептология призвана воссоздавать концептуальные структуры, исследуя пути развития когнитивных признаков в истории развития слова. Пошагово рассмотрим основные принципы изучения концепта и концептуальных структур, принятые в Санкт-Петербургско-Кемеровской школе концептуальных исследований. В качестве примера используем концепт *сила*.

1-й этап. Выбор ключевого слова – репрезентанта концепта. У одного концепта может быть несколько слов-репрезентантов (например, полными или частичными синонимами: *луна* и *месяц*; *sky* и *heaven*; концепт *мать* может быть вербализован словами *тёща* и *свекровь*; концепты могут актуализироваться антонимами: *разведчик* и *шпион*, *скупой* и *бережливый*).

2-й этап. Сбор языкового материала. К нему относятся все компоненты словообразовательного гнезда (*сила*, *сильный*, *силушка*), свободные и устойчивые сочетания с ключевым словом – репрезентантом концепта (в том числе поговорки в широком смысле этого термина), тексты (иногда без узкого ограничения их жанровой специфики, если цель – максимально полно выявить структуру концепта). Определяются временные границы относительно изучаемых текстов (XX в., XIX–XX вв. и пр.).

3-й этап. Исследование этимологии репрезентанта концепта – выявление **мотивирующих признаков** (на основе анализа этимологических и историко-этимологических словарей, в собранном языковом материале выявляются примеры с соответствующими признаками; на этом основании делаются выводы об актуальности/неактуальности этих

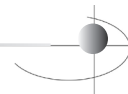
признаков для языковой картины мира того или иного периода).

Исследователи указывают на различные мотивирующие признаки слова «сила». Этимологически сила, по одному мнению, восходит к значению «материальный предмет, гибкий шнур, природный или рукотворный, предназначенный вынести нагрузку, выдерживать натяжение, затем название передалось самому натяжению, физическому, но имеющему способность втягивать в метафизическое» [12, с. 54].

П. Я. Черных предполагает, что будет «корнем о.-с. *sila только *si- (-l-a – такой же суффикс, как в о.-с. *žila *žiti)», возводя это *si- к и.-е. *sēi-: *sēi-: *sī – «соединять», «связывать» и т. п. Ср. лит. siėti – «связывать», латыш. siet – тж.; др.-инд. syāti, sināti – «соединяет», «связывает». Старшее значение – «соединение», «связь» > «множество», отсюда «сила» [16, т. 2, с. 162]. Мотивирующий признак силы встречается в своих вариантах в современной художественной литературе в виде стёртых метафор: «Алексей сразу понял, что этот в чёрном прикончил раненых своим ножом, заколол сестру и тут был схвачен не добытым им человеком, который все свои силы своей угасавшей жизни сложил в пальцы, сжавшей горло врага» (Полевой. Повесть о настоящем человеке).

В современном русском языке сохранилось это старшее значение силы; оно фиксируется в словарях как устаревшее: «10) устар. войска» [3, IV, с. 91], ср.: «Много силы у Кучума, Много всякого богатства: Драгоценные камения, Из монистов ожерелья, Чёрный соболь и лисица, Золото и серебро (Ершов. Сузге); Через день придёт к Сузгуну С силой многою-большою Сам начальник наш, Ермак» (Ершов. Смерть Святослава). Этот понятийный признак в современном языке трансформировался в: «Люди, составляющие какой-л. производственный коллектив, люди сходной профессии» [14, т. 4, с. 91]. Такая трансформация произошла вследствие исторических причин – в объективной реальности актуальна совместная производственная, а не военная деятельность.

4-й этап. Анализ языкового материала на предмет определения **образных когнитивных признаков** (к ним относятся группы признаков живой и неживой природы; признаки неживой природы: вещества, стихий, артефактов, пищи; признаки живой природы: вегетативные, витальные (признаки всех живых существ), зооморфные (анималистические, орнитологические, энтомологические, ихтио-

логические), антропоморфные (индивидуальные: признаки характера, волеизъявления, эмотивные, ментальные, занятий; социальные: религиозные, интерперсональные, этические). Они свойственны всем концептам в той или иной мере. У заимствованных концептов и тех, что появились в концептуальной системе недавно, эти признаки развиты слабо.

К стихийным признакам *силы* относится 'земля', и это не просто земля, а 'плодородная почва': «- Ах вы, представитель хороваго начала, – воскликнул он, – **черноземная вы сила, фундамент вы общественного здания!**» (Тургенев. Накануне); «Увар Иванович сам движением пальца подозвал к себе Шубина; он знал, что тот будет дразнить его всю дорогу, но между **«черноземной силой»** и молодым художником существовала какая-то странная связь и бранчивая откровенность» (Тургенев. Накануне). Образ *силы-воды/крови* восходит к языческому культу Матери сырой земле. Мать сыра земля – воплощение природной силы, мощи. Она ассоциируется с природой, дарующей жизнь и силу: «**Почва! черноземная сила!** ты сказал: будут?» (Тургенев. Накануне). Как писал Г. П. Федотов, обращаясь к символу Матери сырой земли: «Изучая "силы небесные", объекты народной веры, мы не раз должны были констатировать земное пребывание этих сил... Переходя к народной космологии, к силам земным, мы сразу сталкиваемся с их сверхприродным, священным характером. В сущности, мы имели бы право говорить о божественности и небесных и земных сил, не теряя из виду некоторой пограничной линии, которая проходит между божественно-церковным и божественно-тварным миром» [8, с. 65]. Другими словами, в русской концептуальной картине мира до сих пор активно функционируют признаки *силы*, восходящие к архаичным культам и соответствующим мифам славян.

Образный признак *силы* 'растение' выражает символическую циклическую связь между живой природой и человеком. Растения символизируют жизненную *силу*. В русском языке актуальны метафоры, выражающие эти представления: *расцвет жизни* – молодость, *в самом расцвете сил* – когда много энергии: «**Неутолимая смерть наложила на него коснеющую руку в то время, когда он, несмотря на свой согбенный возраст, был ещё полон расцвета сил и лучезарных надежд**» (Чехов. Оратор).

5-й этап. Выявление **понятийных признаков** путём анализа словарных дефиниций

(привлекаются все возможные толковые словари). **Именно сравнение толкований репрезентантов эквивалентных концептов позволяют определить «пропущенные» в русских словарях семы и семемы, потому что хороших (полных) словарей у нас в русской лексикографии попросту нет!** Здесь же – на основе словарей синонимов – определяются дополнительные понятийные признаки. Далее происходит поиск выявленных признаков среди языкового материала и определение их частотности, этот показатель является критерием их актуальности для современной русской языковой картины мира. Словарная статья построена (как пишут сами лексикографы) по принципу «от самых частотных к редко употребляемым». **Однако фактический материал этот принцип не подтверждает!** Языковой материал показывает наличие понятийных признаков концептов, «пропущенных» как нашими толковыми словарями, так и иноязычными [5, с. 17].

Для современного русского языка до сих пор весьма значим производный от мотивирующего понятийный признак: «13) прост. огромное количество, множество» [14, т. 4, с. 91]. Признак 'множество' реализуется посредством качественных признаков *силы*: «**Инсаров с удвоенною силой заключил ее в свои объятия**» (Тургенев. Накануне). Этот признак встречается в описаниях большого количества живых существ: «**На этом озере жили лебеди, гуси, утки, и, как говорят старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо: носилась она тучей**» (Чехов. Дядя Ваня); «**Я соображал: как, в сущности, много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила!**» (Чехов. Крыжовник). В последнем примере заметна стёртая метафора, возникшая на основе устаревшего, но не исчезнувшего окончательно, признака 'войско'.

Осмысление *силы* как абстрактного понятия приводит к появлению признаков 'естественная способность, свойство', 'сила телесная' [16, т. 2, с. 162]. В «Словаре русского языка» *сила* трактуется как: «1) способность живых существ напряжением мышц производить физические движения, действия; физическая энергия человека, животного». «Физическая возможность действовать, делать что-л.» [3, IV, с. 91]. Телесная сила категоризуется как богатство: «**Но никогда, богатый силой, Он не склонялся пред грозой, И над дымящейся могилой Он веял жизнью молодой**» (Ершов. Дуб) и мощь: «**Теперь в нем дремлют мощь и сила! Грозы мертвящая**

*рука Давно уж меч свой притупила
О грудь стальную старика»* (Ершов. Дуб).

Внешнее выражение мощи ассоциируется с телесной силой: «...Он **силен плотью и бодр духом, не боится ни сосен, ни камней, ни своего одиночества, ни раскатистого эха, повторяющего каждый его шаг» (Чехов. Мечты); «**Мышцей сильной** своей Укротил он зверей, Он низвергнул коней, колесницы!» (Ершов. Сибирский казак). Этот понятийный признак имеет свои основания в русской народной символике: воплощением **силы** считался Богатырь (*Сила Богатырь*). Сила находится внутри тела: «**В каждом его шаге и взмахе косой чувствовалась уменье и присутствие громадной физической силы»** (Чехов. Именины). В теле находится источник силы, от этих ассоциаций возникла пространственная метафора **скрытой силы**: «**До самой полуночи Смычков ходил по дорогам и искал футляр, но под конец, выбившись из сил, отправился под мостик»** (Чехов. Роман с контрабасом).**

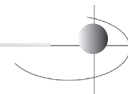
Как пишет П. Я. Черных, уже с XI века у слова *сила* выделяется признак 'духовные силы' [16, т. 2, с. 162]. Это внутренние, моральные силы: «Он шёл и думал про неё: какова, должно быть, **внутренняя сила** у этой женщины, если, будучи некрасивой, угловатой... она всё-таки обаятельна» (Чехов. Три года). Духовные силы требуются человеку, чтобы справиться с собой: своими чувствами и желаниями: «**Разлюбить вас я не в силах, Нина»** (Чехов. Чайка). Силы духа требуют проверки: «**Но эти мгновения требуют от лётчика такого нервного напряжения, такого испытания всех духовных сил, какого в наземном бою хватило бы на целый день сражения»** (Полевой. Повесть о настоящем человеке).

К духовным силам относится талант – божий дар: «– **Талант** замечательный... **Сила!** Одно слово скажет, бывало, и театр ходором ходит» (Чехов. Живая хронология). Своим талантом не каждый в силах управлять: «**По его мнению, очевидный факт оттого, что его освещают добросовестные, сведущие люди, становится еще очевиднее – это раз; во-вторых, талант – это стихийная сила, это ураган, способный обращать в пыль даже камни, а не то что такой пустяк, как убеждения мещан и купцов второй гильдии»** (Чехов. Сильные ощущения). Человеку необходимо бережно тратить дарованные ему творческие силы: «Человек **одарен разумом и творческой силой, чтобы преумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал»** (Чехов. Дядя Ваня).

Сила означает: «2) способность человека к духовной деятельности, к проявлению своих умственных или душевных свойств (воли, ума, характера и т. п.)»; «способность, возможность совершать, делать что-л., требующее внутреннего напряжения» [14, т. 4, с. 91]. К силам духовным относят волю: «**Нужно иметь большую силу воли, чтобы не пасть духом при виде страшных разрушений»** (Галин. Начало битвы); «**В это мгновение испытываются не только воля пилота, но и все его духовные силы»** (Полевой. Повесть о настоящем человеке); энергию души или духа: «**Весь ум, вся душевная энергия ушли на удовлетворение временных, преходящих нужд...**» (Чехов. Дом с мезонином); «**В его жизни случилось самое важное и большое событие, к которому он стремился всей своей волей, всеми силами души, – событие, решившее всю его дальнейшую жизнь, снова вернувшее его в ряды здоровых, полноценных людей»** (Полевой. Повесть о настоящем человеке); желание жить: «**Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!»** (Чехов. Крыжовник); понимание: «Он оглядывает бродягу и **силится понять, как это живой, трезвый человек может не помнить своего имени»** (Чехов. Мечты); воображение: «**Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из девятнадцатого столетия в золотой век»** (Пушкин. Мысли и замечания).

Дальнейшее осмысление внутренней формы слова *сила* приводит к появлению значения «объединения ресурсов телесных и духовных»: «– **Слаб стал, силы в нем нет вытерпеть»** (Чехов. Свирель). Первый и второй понятийный признак В. В. Колесов назвал как «рост тела» и «сила духа» [1, с. 178]. Современное русское языковое сознание впитало в себя несколько разноречивых признаков *силы*. Образ русского богатыря вобрал в себя основные характеристики *силы*: мощь телесную и смелость – *силу духа*. В этом понимании сам человек выбирает свой путь в жизни сообразно своим силам. В христианском мировоззрении распоряжается силами человека Бог; в его власти дать человеку *силы* или отнять их у него: «– **Потому и обедняли, что бог силу отнял»** (Чехов. Свирель).

В «Словаре русского языка» выделяется такой понятийный признак, как: «3) способность производить какую-либо работу; энергия, мощность» [14, т. 4, с. 91]. Для каждой работы требуется определённое количество сил: «– **Нужно только уметь держать косу**

и не горячиться, то есть **не употреблять силы больше, чем нужно**» (Чехов. Именины); «— Если пурги не будет, если идти изо всех сил, если не закружимся, если не перегрыземся, если удача от нас не отвернется, маракую, за полмесяца дойдем...» (Астафьев. Царь-рыба). Диминутивы помогают выразить разное количество энергии-силы (сила, силища, силенки; ср.: «Этого будто и ждали, побежали резво, откуда **силёнки** взялись, а политрук, побелевший, скривившийся от боли, растерянно глядел, как неслась охваченная паникой рота» (Кондратьев. Сашка). Энергия человека конечна ([Соня]: «Я **работую** одна, совсем **из сил выбилась...**» (Чехов. Дядя Ваня). Силы требуются человеку для реализации себя в профессии: «Скорее это обнищавший, забытый богом попович-неудачник, прогнанный за пьянство писец, купеческий сын или племянник, **попробовавший свои жидкие силишки на актерском поприще** и теперь идущий домой, чтобы разыграть последний акт из притчи о блудном сыне...» (Чехов. Мечты). Русский язык вновь и вновь обращается к историческим характеристикам силы, требуемой для победы: «Будь здоров, наш воевода! Милосердием господним И казачьей нашей **силой** Мы **побили** вновь неверных На реке на той, Вагае, Где течет она в Тобол» (Ершов. Сузге).

С XI века у силы уже существуют признаки 'могущество', 'власть', 'насилие' [16, т. 2, с. 162]. В «Словаре русского языка» эти признаки актуализируются в толковании силы: «5) могущество, власть, авторитет» [14, т. 4, с. 91]. Авторитетом для других могут быть человек и объединение людей: «— **Прокапиров — сила!** — начала компания утешать Стручкова» (Чехов. На гвозде); «— **Колефтиф настаивает. Колефтиф — сила!**» (Астафьев. Царь-рыба). Сила-власть всегда осознаваема: «Он с сознанием своей **силы**, величавый, гордый, с губительным ядом в руке, я с сознанием своего бессилия, жалкий, готовый погибнуть — оба молчали...» (Чехов. Пережитое).

Указанные понятийные признаки реализуются в описаниях способности влиять, воздействовать на другого человека: «У него было тяжело на душе и не хотелось ему ни на Пятницкую, ни в амбар, но он угадывал, о чём думает жена, и **был не в силах противоречить ей**» (Чехов. Три года); способности производить впечатление, убеждать других в своей правоте: «— **Грош мне цена, во всей деревне я самый последний мужик, а все-таки, паря, сила есть**» (Чехов. Свирель).

Ещё один из понятийных признаков силы: «7) степень проявления чего-л.; интенсивность, напряжённость» [14, т. 4, с. 91]. Этот признак относится к природному миру, к проявлениям его состояний ([Тузенбах]: «**Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку**» (Чехов. Три сестры); «**Чем ближе была река, тем сильнее напоры ветра**» (Астафьев. Царь-рыба); «**Легкое, пробное пока еще движение началось по тундре, небо пучится, набухает темной силой**» (Астафьев. Царь-рыба).

В этом же значении выделяется ещё один понятийный признак исследуемого концепта: «Величина, значительность, глубина (умственных или душевных, свойств, впечатлений, переживаний)» [14, т. 4, с. 91]. Этим признаком выражается степень и интенсивность тех или иных эмоциональных переживаний или умственных состояний: «**И чем чаще она со всей красотой мелькала у меня перед глазами, тем сильнее становилась моя грусть**» (Чехов. Красавицы); «**И воспоминания разгорались все сильнее**» (Чехов. Дама с собачкой); «**Но могуца сила веры: Дряхлый старец слабой дланью Двинул грозную назад!**» (Ершов. Туча). Два последних понятийных признака перекликаются с категориальными.

6-й этап. Определение категориальных признаков, среди которых дименсиональные (признаки размера, объёма, веса), качественные (качественные признаки), количественные (количественные), колоративные (цветовые), пространственные, темпоральные, ценностно-оценочные признаки (признаки ценности — образные: это признаки имущества, (драго)ценности; собственно-оценочные: общая и частная оценка (хороший/плохой), рациональная, эмоциональная, бенефактивная и прочие виды оценок). Такие признаки позволяют определить место исследуемого концепта в ценностной национальной картине мира и отнести его к определённой области бытования.

Внутренняя форма слова *сила*, развиваясь во времени, переосмысливается, что приводит к появлению множества категориальных признаков. Один из категориальных первичных признаков силы — 'ресурсы/ средства' — образован на основе качественных характеристик использования силы: «**Леса смягчают суровый климат. В странах, где мягкий климат, меньше тратится сил на борьбу**

с природой, и потому там мягче и нежнее человек; там люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны...» (Чехов. Дядя Ваня); «Я любил нежно, глубоко, но я рассуждал, я спрашивал себя, к чему может повести наша любовь, если у нас **не хватит сил бороться с нею...**» (Чехов. О любви). Признак 'средства' у лексемы *сила* отмечен ещё с XI века [16, т. 2, с. 162].

Сила набранная и используемая и сила расходуемая/растрчиваемая – в этих и подобных выражениях объединяются категориальные и функциональные признаки *силы*: «Я вижу, что мы мало знаем и поэтому каждый день ошибаемся, бываем несправедливы, клеветаем, заедаем чужой век, **расходуем все свои силы на вздор, который нам не нужен и мешает нам жить, и это мне страшно, потому что я не понимаю, для чего и кому все это нужно**» (Чехов. Страх). В функциональном смысле *сила* – это то, что позволяет действовать природным объектам и человеку: это тот внутренний ресурс (его бы сейчас назвали «аккумулятор энергии»), которым пользуются в своей жизнедеятельности, как люди, так и природные объекты: «Днем мы купались и загорали под **солнцем, набравшим знойную силу**, лето в том году было жаркое даже на Севере и вода, конечно, не такая, как на Черном море, но окунуться в нее все-таки возможно» (Астафьев. Царь-рыба); «...Белесая глубь небес все таяла, таяла, обнажая блеклую, прозрачно-льдистую голубизну, в которой все ощутишь глазу или другому, более памятному и восприимчивому зрению, виделась пока несмелая, **силы не набравшая теплота**» (Астафьев. Царь-рыба); «Где-то слышал или умом своим гибким и пронизательным старшой допер: при большом сердце надо меньше шевелиться, не бултыхать нутром, и, глядишь, оно, ретивое, успокоится, **наберет силу, выровняет ход**» (Астафьев. Царь-рыба). Как природные ресурсы, *силу* открывают и оценивают её количество: «В пучине влаги своенравной Он вновь открыл **избыток сил, И вновь орел самодержавный Его чело приосенил**» (Ершов. Дуб).

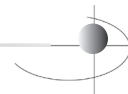
Сила – часть природы, и сама природа определяется признаками *силы* (*силы природы; природные силы*): «Зачем **природы** мудрой **сила** Такой мне нос соорудила...» (Ершов. Нос). Эта взаимодополняемость и взаимопределяемость не случайна; эта связь выражает идею божественности природы, а *сила* – это и есть табуированное название бога или богини (ср.: *божественные силы*,

силы небесные). Как видим, образные признаки *силы* сплетаются с символическими.

Согласно трактату «Галиново на Ипократа», «**Мир** из четырех вещей съставися: от огне, от въздуха, от земля и от воды. Съставлен же бысть и малый мир, сиречь человек от четыри стихия, сиречь: от кръви, от мокроты, от чръну жлъчь и от чръну жлъчь» [4, с. 192]. То есть малый мир – микрокосмос – основан на тех же принципах, что и мир большой – Вселенная. Четыре стихии в физической науке – это состояния вещества (твёрдое, жидкое, газообразное, им соответствуют земля, вода, воздух) и элемент-посредник (огонь).

Силой могут называться стихии (например, огонь), потому что они – представители божественного проявления на земле (называемого в мифологии *низшими силами*; ср.: «**Так на фронте цепенел возле орудия боец с натянутым ремнем, ожидая голос команды, который сам по себе был только слабым человеческим голосом, но он повелевал страшной силой – огнем, в древности им обожествленным, затем обращенным в погибельный смерч**» (Астафьев. Царь-рыба). Отсюда образные концептуальные признаки стихий, потому как именно стихии – первопричина и первоэлементы созданного мира: «**А страсти пламенная сила Их горделиво подняла...**» (Ершов. Оправдание).

Сила в русском языке объективируется в метафорах воды: «**И в самом деле, за эти четыре года, пока служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и силы, и молодость**» (Чехов. Три сестры). Вода – известный символ жизни-силы: «**Чуть приостановив себя на выдававшейся далеко белокаменной косе, взбурлив тяжелую воду, батюшко Енисей принимал в себя еще одну речушку, сплетал ее в клубок с другими светлыми речками, речушками, которые сотни и тысячи верст бегут к нему, встревоженные непокоем, чтобы капля по капле наполнять молодой силой вечное движение**» (Астафьев. Царь-рыба). Кровь и сердце «в народных представлениях – это внутренний водный источник жизненной силы. Жизненная сила в русской концептуальной картине мира представляется в виде неких жизненных соков, наполняющих тело человека и, в частности, сердце. В таком случае тело человека воспринимается через образ растения (*берёзовый сок*; ср.: *выжать/выкачать все соки из кого*)» [4, с. 31]. В народных представлениях кровь служит проводником *силы*: (ср.: «**С страшною силой забилась в нем жилы, знойно вспыхнула кровь, как**

птицы закружились мысли» (Тургенев. Накануне). Потеря крови приводит к потере сил. Кровеносными артериями называют реки на земле, именно они дают силу земле-организму: «Там она распластается по пологому берегу на рукава, проточины и обтрепанной метелкой станет почесывать бок грузного, **силой налитого Енисея, несмело с ним заурывая**» (Астафьев. Царь-рыба).

7-й этап. Описание символических признаков (на основе словарей символов, толковых словарей (редко) и анализа языкового материала). Привлекаются мифологические словари, этнографические данные, фактический материал и др.

Достаточно частотным является понятийный признак *силы*: «8) источник какой-л. деятельности, могущества, влияния» [14, т. 4, с. 91]. Известный девиз Бэкона «Знание – сила» основан именно на этом понятийном признаке. В современном мире этот девиз был переделан на разные лады в лозунги и слоганы типа «Сила – в нас», «Вместе мы – сила» и т. п. Первоначально этот признак выражал свойство людей объединяться по разным причинам: в минуту опасности, в пору внешней угрозы. «Собирательное имя *сила* выражает веру в то, что объединяет людей в сообщества, принадлежность к которым и делает каждого их члена человеком» [1, с. 179].

Этот признак относится на самом деле к символическим. Источником влияния на земные создания считался Бог: «Вскоре встали все казаки, Сабли наголо и дружно Громким голосом вскричали: “С нами **божеская сила** И угодник Николай!”» (Ершов. Сузге). Очевидно, что не все существующие концепты могут обладать символическим компонентом. Существуют, например, концепты, содержание которых исчерпывается мотивирующим и понятийным компонентами (с редкими образными признаками), в отличие от культурных концептов, которые созданы исторически «путём мысленного наведения на резкость понятийного объёма (денотат через понятие) и содержания (сигнификат через образ и символ)» [1, с. 36].

К символической группе признаков силы относится ‘Бог/Боги’. Толковые словари не указывают прямо на этот признак, тем не менее он существует и до сих пор активно используется в разных жанрах литературы. Этот признак был воспринят христианством: «**Всесильный боже, благ податель, Естественных ты благ создатель, Закон свой в сердце основал**» (Радищев. Воль-

ность); «**Призовем бога сил!**» – Иерей возгласил, И всемирную славу запели» (Ершов. Сибирский казак), но появился он гораздо раньше: «**Не робкую силу правитель вселенной – Всесильный Бельбог** – в Святослава вложил; Не знает он страха и с верной дружиной От края земли до другого пройдет» (Ершов. Смерть Святослава). Так, например, в текстах заговоров упоминаются силы небесные и силы земные. «**Боги наделяются наибольшей силой, властью и возможностями**» [15, с. 205].

Воздействие на природу в момент творения происходило при помощи звука: «И сказал Бог: да будет свет, и стал свет». Человек, созданный «по образу и подобию Божьему», использует те же силы: «**Волшебной силой песнопенья В туманной памяти моей Так оживляются виденья То светлых, то печальных дней**» (Пушкин. Цыганы); «**Один простой смертный силою слова** обращает тысячи убежденных дикарей в христианство; Одиссей был убежденнейший человек в свете, но спасовал перед сиренами, и так далее» (Чехов. Сильные ощущения). В народной традиции существовала практика использования природных сил: «**Могучей силы чарованья На них положена печать, И может их одно лобзанье И вдунуть жизнь, и жизнь отнять**» (Ершов. Оправдание).

Ещё один символический признак силы – ‘жизнь’. Понятия жизни и силы дополняют друг друга, выражая идею энергии существования (силы жизни, жизненные силы, сила жизни: «Полковник старше ее отца на два года, но может ли это обстоятельство иметь какое-нибудь значение, если, говоря по совести, **жизненной силы, бодрости и свежести** в нем неизмеримо больше, чем в ней самой, хотя ей только двадцать три года?» (Чехов. Володя большой и Володя маленький); «Сделал он [Морозка] это от **избытка жизненных сил** и... просто “для смеху”» (Фадеев. Разгром). В русской языковой картине мира возможно совмещение образных и символических признаков силы-жизни и локуса: «Но не тем холодным сном могилы... Я б желал навеки там заснуть, **Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь**» (Лермонтов. Выхожу один я на дорогу); силы-жизни и источника-родника: «...Метелица нравился ему за ту необыкновенную физическую цепкость, животную, **жизненную силу, которая была в нём неиссякаемым ключом** и которой самому Левинсону так не хватало» (Фадеев.

Разгром). Родники земные понимались в русской народной традиции как средоточие жизненной силы.

8-й этап. Определение иронических признаков. Иронические признаки выражают утрату ценностного компонента в структуре концепта, которая в концептуальной картине мира первоначально существовала (ср. концепт *тёща*). Появление иронического признака знаменует апогей развития концептуальной структуры.

9-й этап. В некоторых случаях исследуются сценарии (например, при анализе концептов *князь*, *богатырь*, *радость*). Сценарии могут присутствовать в структурах не всех концептов. Существуют разные способы объективации сценарных признаков – субъектный (*силы противника подавляют своим количеством*) и объектный (*разворачивать силы противника*).

10-й этап. Описание стереотипов, свойственных той или иной лингвокультуре. Стереотипы связаны не со всеми концептуальными структурами [6]. Стереотипы определённо связаны с политическими, идеологическими и иными социальными концептами (см., например, концепты *Сибирь*, *сибиряк* и др.).

11-й этап. Возможен психолингвистический эксперимент (особенно при описании концептов, относящихся к сфере «страна и её жители глазами жителей другой страны»: концепты *Америка*, *Россия*, *Германия*, *Франция*, *Турция*, *Китай* и др.).

12-й этап. Сведение полученных признаков, образующих структуру концепта, и количественных данных их актуализации в общую таблицу. Описание этой таблицы с позиций частотности признаков, их актуальности в языковом материале, соответствия в сравниваемых концептуальных системах, определение национальной специфики и собственно эквивалентности признаков концептов (в случае сопоставительного анализа).

На всех этапах исследования концептов привлекаются данные из разных научных источников и смежных дисциплин: этнологии, этнографии, психологии, медицины, философии, мифологии и т. д.

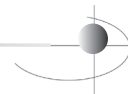
Выводы. В языке фиксируются не только новые знания, но и знания, когда-то существовавшие у носителей языка. Язык хранит в себе первичные знания о природе, человеке и его месте в этом мире. Первичные знания фиксируются в языке в виде архаичных признаков концептов. Архаичными понятиями называются признаки концептов, зафиксированные в исторических и историко-этимологических словарях конкретных языков, но не отмеченные в словарях современных языков, а также признаки, диктуемые историческим языковым материалом, но отсутствующие в словарях. Архаичные признаки выражают бытовавшие давно представления народа на природу и человека, которые не утрачены языком, но уже не осознаются носителями современного языка вследствие изменений в культуре. Архаичные признаки возможны только у тех концептов, история репрезентантов которых достаточно древняя [5, с. 357–358].

Первоначальное развитие концептуальной структуры предполагает развитие образов на основе внутренней формы слова – репрезентанта концепта, т. е. образные признаки концепта – следующий этап переосмысления мотивирующего признака. Затем, параллельно, развиваются абстрактные понятийные и категориальные признаки, в том числе оценка. При этом оценка может исторически меняться (ср.: *сила есть – ума не надо*).

Исследование развития концептуальных структур в диахронии и в сопоставительном аспекте – перспективы особых направлений когнитивной лингвистики, которые уже активно реализуются в виде кандидатских и докторских диссертаций. Сложность таких исследований заключается в том, что многие концептуальные признаки в древних текстах отсутствуют, что связано со спецификой их функционирования. Воссоздать структуры концептов возможно, обратившись к фонду устного народного творчества. При этом особое внимание следует обращать на изменение категорий и форм мышления в разные эпохи, на смену верований и переходы в интерпретациях одних и тех же категорий.

Список литературы

1. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 2. Добро и зло. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2001. 304 с. (Сер. Филология и культура).
2. Мурьянов М. Ф. Сила (слово и понятие) // Этимология: ежегодник. 1980. М.: Наука, 1982. С. 50–56.
3. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 5–11.
4. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Наука, 1982. 581 с.
5. Пименова М. В. Концепт сердце: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. Вып. 9. 500 с. (Сер. Концептуальные исследования).

6. Пименова М. В. Стереотипы и их место в языковой картине мира // Стереотипы лингвокультуры / отв. ред. М. В. Пименова. Киев: ИД Д. Бурого, 2013. Вып. 18. 108 с. (Сер. Концептуальные исследования).
7. Пименова М. В. Об эволюции концептуальной системы // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В. А. Масловой / ред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. Киев: ИД Д. Бурого, 2014. Вып. 3. 944 с. (Сер. Концептуальный и лингвальный миры).
8. Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Гнозис, 1991. 187 с.
9. Boas F. The mind of primitive man. New York: MacMillan, 1938. 158 p.
10. Boas F. Introduction to the Handbook of American Indian Languages. Washington D. C.: Georgetown University Press, 1966. 398 p.
11. Sapir E. Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality / editor D. Mandelbaum. Berkeley: University of California Press, 1949. 646 p.

Источники

12. Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология: учеб. пособие. Кемерово: КемГУ, 2012. Вып. 16. 248 с. (Сер. Концептуальные исследования).
13. Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2016. 248 с.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз.: АН СССР: Ин-т рус. яз., 1981–1984.
15. Топоров В. Н. Боги // Славянские древности: этнолингв. слов. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 204–215.
16. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1. 624 с.; т. 2. 560 с.

Статья поступила в редакцию 20.06.2017; принята к публикации 12.07.2017

Библиографическое описание статьи

Пименова М. В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 5. С. 13–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22.

Marina V. Pimenova,
*Doctor of Philology, Professor,
 Military Institute (Engineering),
 General of the Army A. V. Khrulev Military Academy for Logistics
 (22 Zakhariyevskaya st., St. Petersburg, 191123, Russia),
 e-mail: MVPimenova@yandex.ru*

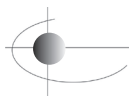
Conceptology at the Present Stage (Methods of Investigation of Conceptual Structures)

Different schools and directions in domestic linguistics assume their approach to the study of conceptual structures. This is also due to the very definition of the key term – concept. The concept is the totality of features necessary and sufficient to identify a fragment of the world or a part of such a fragment. The methodology of studying concepts in the St. Petersburg-Kemerovo school of conceptual research was gradually formed. The figurative signs of concepts were subjected to detailed study, what is called in conceptual metaphors in foreign linguistics. It turned out that “outside the analysis” remains a part of the linguistic material, which gradually became involved in the description process. Concepts differ from lexical meaning in that they retain their structure; they do not lose features included in this structure throughout the history of the people (compare with the phenomenon of the word desemantisation). The structure of concepts is only replenished by the appearance of additional features. Such replenishment depends on the development of the material and spiritual culture of the people.

Keywords: concept, conceptual structure, reconstruction, representative of the concept, verbalization of the concept

References

1. Kolesov V. V. Drevnyaya JRun': nasledie v slove: v 5 kn. Kn. 2. Dobro i zlo. SPb.: Filol. fakul'tet SPbGU, 2001. 304 s. (Ser. Filologiya i kul'tura).
2. Mur'yanov M. F. Sila (slovo i ponyatie) // Etimologiya: ezhegodnik. 1980. М.: Nauka, 1982. S. 50–56.
3. Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka. М.: Progress, 1988. S. 5–11.
4. Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Vtoraya polovina XV v. М.: Nauka, 1982. 581 s.
5. Pimenova M. V. Kontsept serdtse: obraz, ponyatie, simvol. Kemerovo: KemGU, 2007. Vyp. 9. 500 s. (Ser. Kontseptual'nye issledovaniya).
6. Pimenova M. V. Stereotipy i ikh mesto v yazykovoi kartine mira // Stereotipy lingvokul'tury / отв. ред. М. В. Пименова. Киев: ID D. Burago, 2013. Vyp. 18. 108 s. (Ser. Kontseptual'nye issledovaniya).

7. Pimenova M. V. Ob evolyutsii kontseptual'noi sistemy // Lingvistika XXI veka: sb. nauch. st.: k 65-letnemu yubileyu prof. V. A. Maslovoi / red. V. V. Kolesov, M. V. Pimenova, V. I. Terkulov. Kiev: ID D. Burago, 2014. Vyp. 3. 944 s. (Ser. Kontseptual'nyi i lingval'nyi miry).
8. Fedotov G. P. Stikhi dukhovnye. Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham. M.: Gnozis, 1991. 187 s.
9. Boas F. The mind of primitive man. New York: MacMillan, 1938. 158 p.
10. Boas F. Introduction to the Handbook of American Indian Languages. Washington D. C.: Georgetown University Press, 1966. 398 p.
11. Sapir E. Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality / editor D. Mandelbaum. Berkeley: University of California Press, 1949. 646 p.

Istochniki

12. Kolesov V. V., Pimenova M. V. Kontseptologiya: ucheb. posobie. Kemerovo: KemGU, 2012. Vyp. 16. 248 s. (Ser. Kontseptual'nye issledovaniya).
13. Kolesov V. V., Pimenova M. V. Vvedenie v kontseptologiyu: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2016. 248 s.
14. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoi. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Rus. yaz.: AN SSSR: In-t rus. yaz., 1981–1984.
15. Toporov V. N. Bogi // Slavyanskije drevnosti: etnolingv. slov. / pod red. N. I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. T. 1. S. 204–215.
16. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. M.: Rus. yaz., 1993. T. 1. 624 s.; t. 2. 560 s.

Received: June 20, 2017; accepted for publication July 12, 2017

Reference to the article

Pimenova M. V. Conceptology at the Present Stage (Methods of Investigation of Conceptual Structures) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 5. PP. 13–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22.
